

Экологическое правосознание.

Глава 1.

1.1. Введение

В начале двадцать первого столетия со всей уверенностью можно говорить о том, что человечество столкнулось с экологическими проблемами, не знавшими аналогов за всю историю планеты. Именно в результате человеческой деятельности жизни на Земле угрожает самое массовое вымирание за последние десятки миллионов лет, т.е. со времен эпохи динозавров. По некоторым оценкам, каждый день на Земле вымирает более 100 видов представителей флоры и фауны, и эти темпы могут удвоиться или даже утроиться в течение нескольких последующих десятилетий. Природные ресурсы, поддерживающие жизнь на нашей планете, а именно воздух, вода и почва, загрязняются или обедняются со скоростью, вызывающей тревогу. Население земного шара росло в геометрической прогрессии, достигнув в 1999 году 6 миллиардов человек, хотя только в 1804 году мировое население впервые перевалило отметку в 1 миллиард, причем самый недавний прирост населения в 1 миллиард человек произошел всего за 12 лет. В настоящее время темпы роста населения несколько замедлились. По приблизительным оценкам, потребуется не менее 15 лет, чтобы людей на планете стало еще на миллиард больше. К сожалению, замедление темпов роста способствуют такие печальные факторы как болезни, голод, нищета и войны.

Продолжающиеся деградация и обеднение природных ресурсов ускоряются с ростом населения. Токсичные отходы, грозящие бедями будущим поколениям, продолжают наращаться в мировых масштабах. Некоторые виды ядерных отходов будут оставаться смертоносными на протяжении десятков тысяч лет. Природные заповедники планеты – леса, заболоченные земли, грунтовые слои почвы, горы и пастбища – разрабатываются, асфальтируются, осушаются, сжигаются, перетравливаются до полного исчезновения. Разрушение больших участков озонового слоя и значительное увеличение количества парниковых газов, приводящие к глобальному потеплению, наглядно демонстрируют, как человеческая деятельность может угрожать самой атмосфере и климату на планете Земля.

На пороге возможной будущей катастрофы мы должны принять судьбоносные решения. Но как начать принимать правильные решения? Как показывают факты, многие из наших нынешних проблем явились результатом решений, принятых предыдущими поколениями, причем действовали они с наилучшими намерениями. Говоря по правде, многие из этих решений имели очень благоприятные последствия, как для предыдущих, так и для нынешних поколений. Но были у них и разрушительные последствия. Как мы можем быть уверены, что решения, принимаемые нами сейчас из лучших побуждений, не будут иметь такие же двойственные последствия в будущем? Перед тем как начать принимать решения, представляется разумным сделать шаг назад, чтобы лучше рассмотреть сам процесс принятия решений.

Если бы только мы могли придумать безопасные, недорогие и эффективные химические пестициды! Если бы только мы могли создать более действенные солнечные батареи, обладающие потенциальной энергией геотермальных ресурсов, ветра и приливов! Если бы только мы могли разработать технологию использования водородного топливного элемента

вместо двигателя внутреннего сгорания! Если бы только мы смогли освоить холодный ядерный синтез! Если бы только мы могли придумать экономические стимулы отказа от загрязнения окружающей среды! И, наконец, если бы только мы могли разработать методику достаточно точного анализа эффективности затрат, чтобы правильно распределить природные ресурсы!

Многие люди нашего культурного окружения и особенно те, которые занимают посты в политике, возлагают все свои надежды на науку и технологию в деле решения экологических проблем. Ввиду того, что экологические проблемы зачастую включают в себя технические вопросы, разумно обратиться к экспертам в этих областях техники для получения ответов. Кто лучше, чем химик, расскажет нам о безопасности и эффективности пестицидов? Из-за того, что именно наука обычно предлагает нам объективные и фактические ответы в тех областях, где накал страстей высок, а противоречия льются через край, многие люди ищут в науке ответы и на экологические проблемы. Единственной альтернативой видятся пессимистичный путь противоречий и разногласий, основанный на умозаключениях, не подкрепленных научными фактами.

К сожалению, обращение к науке в оптимистичном желании получить «быстрое средство» не сильно отличается от пессимистичного пути. И хотя, конечно, обращение к науке и технике за «быстрым лекарством» очень заманчиво, экологические проблемы ни в первую, ни в последнюю очередь не являются вопросами науки и технологии. Проблемы окружающей среды поднимают следующие фундаментальные вопросы: что мы, люди, ценим в жизни, что мы за существа, какой должна быть наша жизнь, наше место в природе и каким должен быть мир, в котором человечество могло бы процветать.

Проблемы окружающей среды поднимают фундаментальные вопросы этики и философии о целях, которые мы преследуем. В лучшем случае, наука и технология могут снабдить нас некоторыми средствами достижения таких целей. Западная философия родилась 2500 лет назад, когда Сократ первым попытался разобраться в афинском обществе и роли в нем каждого индивидуума. «Мы имеем дело не с каким-то пустяком, а с тем, как нам жить», – говорил он. Экологические проблемы, даже такие, на первый взгляд, безобидные как использование удобрений и пестицидов, поднимают философский вопрос «как нам жить». Например, несем ли мы какую-либо этическую ответственность за сохранение различных форм жизни на планете? Что такого неправильного в действиях, направленных на тотальное уничтожение грызунов? Какой бы точки зрения мы не придерживались по данным вопросам, мы мыслим философскими категориями. И опять же, надо ли доказывать безопасность пестицидов до их использования, или бремя такого доказательства лежит на тех, кто предсказывает опасность? Ответ на этот вопрос также лежит в плоскости этики и политической философии.

Слепое следование научным и техническим принципам (равно как и экономическим или правовым) без учета этических и философских аспектов может создать ровно столько же проблем, сколько разрешить.

Отдавая вопросы экологии на откуп «экспертам» в науке и технологиях, мы не можем ожидать, что их решения будут объективными и нейтральными с точки зрения этических ценностей. Ценности и философские принципы таких решений будут всего лишь ценностями и философскими принципами этих «экспертов».

Этика и философия могут способствовать созданию здоровой и продуманной политики охраны окружающей среды. Этика – это один из разделов философии, занимающийся фундаментальными вопросами моральных ценностей. Всесторонний анализ проблем экологии требует рассмотрения целого спектра философских вопросов из других разделов

философии. Такие темы, как выявление и взвешивание экологических преимуществ и опасностей, поднимают важные вопросы социальной справедливости и политической философии. Проблемы моральной ответственности перед будущими поколениями, животными и другими формами жизни, не относящимися к человеческому роду, а также природа таких абстрактных сообществ как виды и экосистемы, рассматриваются с точки зрения эпистемологии и метафизики.

И все же, решения по экологической политике должны приниматься на политической арене, а не в научных лабораториях, корпоративных залах заседаний или правительственных бюрократических аппаратах. Полноправное участие граждан в этих наиважнейших общественно-государственных обсуждениях – обязательная предпосылка успеха.

1.2. Наука и этика

Мы сильно рискуем, когда относимся к экологическим проблемам с чисто технической точки зрения, надеясь получить решение от какой-нибудь точной дисциплины. Дело в том, что объем экологических вопросов редко ограничивается знаниями одной отдельно взятой научной дисциплины. Загрязнение пестицидами, например, относится как к сельскому хозяйству, так и к различным отраслям химии и биологии, медицине, экономике, политике и праву. Недостаток кислорода в океанских водах подразумевает участие такого же количества научных дисциплин. Но невозможно отыскать хоть один экологический вопрос, который не затрагивал бы проблемы с так называемой моральной нагрузкой. Подход к любой серьезной экологической проблеме в надежде получить быстрое техническое решение приведет лишь к узкому и одностороннему пониманию того, чем же именно мы рискуем. Технологические или научные «решения» зачастую влекут и влекут за собой столько же новых проблем, сколько с их помощью было решено старых.

Опасность такого излишнего доверия к науке и технике распространяется за пределы чисто технологической сложности. Наука не так нейтральна с точки зрения морали, как многие полагают. Представители нашей культуры безоговорочно верят в науку как в последнюю инстанцию по вопросам знаний и истины. Эта вера настолько глубока и так мало изучена, что приобретает масштабы культурного мифа. В соответствии с этим мифом о научной объективности, наши собственные представления – это не что иное как просто мнение, личное, субъективное, второстепенное и предвзятое, пока оно не доказано научным знанием. Хотя, конечно, не стоит преуменьшать роль науки (она, безусловно, имеет огромный потенциал в деле решения экологических проблем), наука все же не совсем объективный и нейтральный источник знаний, как многие думают.

Например, экономика играет доминирующую роль во многих экологических противоречиях. Справедливо сказать, что экономика – это приоритетный инструмент, от которого зависит принятие основных общественно-государственных решений в сфере экологии. Рациональным зерном такой зависимости является тот факт, что общественная наука экономика снабжает нас объективной методологией анализа социальных последствий (затрат) и социальных благ. Якобы нейтральная с точки зрения морали наука экономика в действительности оказывается далеко не нейтральной. Такие экономические понятия как практичность, счастье, затраты, выгоды и личная заинтересованность включают в себя противоречивые предположения из области философии и этики.

В какой-то степени, наука – это подробный, осторожный, выверенный и задокументированный подход к знанию. Наука требует, чтобы ее деятели минимизировали использование непроверенных предположений, старались избегать от предвзятости, проверяли результаты и ограничивали свои выводы исключительно доказанными фактами. В

этом смысле научный метод обладает истинной «этикой», нацеленной на достижение объективного, точного и рационального результата. В той степени, в какой научная практика будет соответствовать подобной этике, мы и можем быть уверены в рациональности ее результатов.

Однако подобный метод может иметь скрытые предположения, влияющие на научную практику. В современной науке преобладают модели, взятые из физики. С ее точки зрения, мы можем наилучшим образом понять что-то (например, физическое тело), если мы это что-то разложим на его простейшие элементы (атомы, электроны и т.д.) и наблюдаем за силами, действующими на эти элементы (например, сила тяжести и электромагнитные силы). Критики утверждают, что такой подход разложения на простейшие элементы не действует в других областях знаний. Такие общественные науки как экономика, социология и политология могут до неузнаваемости исказить реальную картину мира, если разложить общество на индивидуумов, движимых исключительно силами собственных интересов. Что еще более важно для целей нашего изучения, некоторые биологи считают, что физические модели особенно обманчивы в изучении экосистем. Тенденция к разложению может проигнорировать или исказить сложные взаимоотношения, существующие внутри экосистемы. В буквальном смысле, лес за деревьями не видно.

Точно также, приверженность механистическим объяснениям мира может исказить наше понимание экологических связей. Например, споры, касающиеся нашего понимания поведения животных, иногда загоняются в механистические рамки. *Либо* поведение животных зависит от условий окружающей среды, *либо* оно контролируется генетическим программированием. Объяснение в любом случае будет основано на неизменных, детерминистических и механистических «законах природы». Для многих биологов такой подход представляет собой искаженное и упрощенное представление о поведении животных. Даже самые простейшие организмы могут менять свою среду обитания в той же степени, в какой среда обитания может менять их самих и их потомство.

Биологические и экологические изменения происходят в одинаковой степени как согласно случайностям, так и согласно детерминистическим законам. Политика управления дикой природой, основанная на механистической модели поведения животных, будет иметь совсем другие последствия и рекомендации, нежели политика, основанная на предположении, что именно изменения, а не постоянство, является нормой. Значит, несмотря на приверженность науки ценностям непредвзятости и объективности, практическая наука – не всегда так объективна, как принято считать.

Наука иногда понимается не как метод или процедура, а как совокупность информации или фактов. Конечно, факты объективны, и если наука опирается на факты, научные знания должны быть объективными, или, по крайней мере, так заставляет нас думать миф о научной объективности. Насколько комфортно мы будем себя чувствовать, если будем полагаться исключительно на научную информацию в решении экологических проблем? Даже если факты установлены посредством точной, методичной и проверенной процедуры, надо отдавать себе отчет в том, что факты редко раскрывают всю картину. Использование только научной информации может быть рискованным, если такая информация не дает нам полного объяснения. Наверно, наибольшим препятствием получения полной картины происходящего является не неспособность науки получать ответы, а неспособность науки задавать достаточное количество вопросов. Прежде чем полагаться на научные ответы в решении экологических проблем, надо узнать, какие вопросы в этой связи задают ученые, причем вопросы, которые они задают, зачастую определяются факторами, лежащими за пределами научных знаний.

Амори Ловинс, международно-признанный ученый-энергетик, говорит примерно то же самое: «ответы зависят от заданных вопросов». В качестве доказательства он приводит пример из энергетики. Если мы определим нашу энергетическую проблему как проблему с *поставкой* энергоносителей (**проблема предложения**), можно сделать заключение о том, что энергетические ресурсы планеты заканчиваются, и нам необходимо искать новые источники энергии. Наука может документально подтвердить источники природных ресурсов; подсчитать известные запасы угля, нефти, урана; сравнить технологические преимущества различных энергоносителей; спрогнозировать стоимость и рентабельность использования угля, нефти, атомных электростанций и т.д. Мы можем собрать необходимое количество научных данных по различным альтернативам производства энергии. Мы можем также предположить, что с учетом собранных данных одна из альтернатив (например, ядерный реактор-размножитель) будет признана наиболее целесообразной. И это решение, естественно, базируется на объективных, нейтральных и научных фактах.

Но если мы определим нашу энергетическую проблему, как **проблему спроса**, мы получим совсем другие ответы. Мы начнем задавать вопросы об *использовании* энергии, начнем сопоставлять энергетические ресурсы с использованием энергии, энергоэффективностью, применимыми технологиями и тому подобное. Ученый, который будет задаваться этими вопросами, наверняка обратит внимание на такие моменты как отопление домов, теплоизоляция, эффективность электрических моторов, освещение, электрические приборы, экономичные автомобили, солнечная энергия и т.д. Очевидно, что информация, собранная в ходе ответов на вопросы спроса, будет точно такой же объективной и фактической, как информация, собранная в связи с вопросами предложения, но в результате будут выработаны совершенно иные энергетические решения. Собранные факты докажут, что отопление домов электричеством является неразумным решением, даже если источник такого электричества безопасен и эффективен по сравнению с альтернативными источниками энергии.

Таким образом, мы имеем ситуацию, при которой два набора фактов, оба одинаково объективные с точки зрения науки, ведут к различным рекомендациям по политике применения. Один набор фактов поддерживает строительство новых электростанций, другой делает основной акцент на применении правильных технологий использования энергоносителей. При таком сценарии только научные факты не дают нам ответ на вопрос, какую альтернативу выбрать.

Философы давно признали, что описания устройства мира сами по себе не ведут ни к каким заключениям относительно того, каким *должен* быть мир. Нам нужно с особой осторожностью относиться к тому, какие вопросы задают ученые-экологи. Если круг вопросов ограничен, то и ответы будут даны неполные, равно как и выработанные на основании ответов рекомендации.

Откуда же ученые обычно получают вопросы для проведения исследований? Научные задания, в основном, формулируются людьми, оплачивающими научные изыскания. Современное, по последнему слову техники исследование — мероприятие не дешевое. Обычно оно оплачивается правительством и частным сектором промышленности. То есть проекты, получающие финансирование, отвечают на вопросы, которые им задано правительственные органы и отрасли промышленности. Поэтому не удивительно, что ученые, работающие на химическую индустрию, в качестве ответной меры на проблему устойчивых к химикатам насекомых рекомендуют использование более нового (и, конечно, более дорогого) пестицида. Конечно, научные исследования, проводимые на таких условиях, не всегда приводят к ответам, которые нужны правительству или индустрии, но вероятность того, что ответы будут очень уж сильно отличаться от желаемого результата, очень велика. Продолжая говорить об энергетическом примере Ловинса, большая часть того, что нам

известно об атомной энергии, взята из исследований, проводившихся по заказу правительства государства. Министерство обороны США, например, потратило миллиарды долларов на разработку ядерного оружия. Фактически, типичная конструкция атомной станции — это не что иное, как модифицированная версия ядерного реактора, приводящего в движение подводную лодку. Знание, которым мы обладаем в области атомной энергии, очень тесно связано с политическими решениями, принятыми в несколько ином контексте. То же самое относится к нашим знаниям о химических пестицидах. Большая часть исследований пестицидов началась в годы мировых войн, причем их использование планировалось в химическом оружии.

Однако это не означает, что такое знание менее разумно или правильно, чем оно могло бы быть. Необходимо признать, что решения, принимаемые в сфере экологии, в большой степени зависят от информации, технологий, финансовых ресурсов, а также от вопросов, ответы на которые ищут ученые в рамках каждого конкретного исследования. Представьте себе, сколько бы мы знали о солнечной энергии и технологии ее применения, если бы деньги, потраченные на ядерные испытания, были бы потрачены на исследования солнечной энергии.

Не нужно себя обманывать и думать, что если наука требует объективности и нейтральности, все ее методы объективны и морально-нейтральны. Даже если научные исследования опираются исключительно на непредвзятые и объективные методики, и если их результаты справедливы, практическое использование полученной научной информации может быть неразумным. Мы также не должны себя обманывать и думать, что если многие экологические проблемы зависят от чисто технических вопросов, они одновременно не поднимают вопросы морально-этического плана. Одной из задач экологической философии является выявление скрытых моральных принципов различных экологических стратегий.

В любом случае, будет также ошибочно думать, что какая-то абстрактная этическая теория может разрешить все экологические противоречия. Этический и философский анализ, сделанный в абстрактной среде без привязки к науке, технологии и другим дисциплинам, не будет иметь никакого смысла в решении экологических проблем. Поиск «быстрого лекарства» в философской этике также нецелесообразен, как и сверхзависимость от науки.

То, как мы понимаем наш мир и, следовательно, как и что именно в нем мы ценим, в огромной степени складывается из того, что нам об этом говорит наука. Лучшим подходом будет признание того, что и наука, и этика очень существенны, если мы намерены сделать сколько-нибудь значимый прогресс в решении экологических проблем, с которыми мы столкнулись. Древнее философское изречение гласит: «Наука без этики слепа; этика без науки пуста».

1.3. Что такое экологическая этика?

В целом, экологическая этика — это нравственные отношения между людьми и их естественным окружением. Экологическая этика предполагает, что нравственные нормы могут управлять и управлять человеческим поведением по отношению к миру природы. Теория экологической этики должна, следовательно, объяснить, что это за нормы, перед кем и перед чем человечество несет ответственность, и чем оправдана такая ответственность.

Различные теории экологической этики дают различные ответы на эти вопросы. Некоторые философы считают, что наша ответственность перед окружающей средой имеет лишь косвенный смысл, что ответственность за сохранение природных ресурсов — это, по сути,

ответственность перед другими людьми, а не перед природой. Антропоцентрическая этика гласит, что только человеческие особи имеют нравственную ценность. Поэтому, хотя и говорят, что мы несем ответственность перед миром природы, прямой ответственности перед ним мы не несем.

Многие вопросы, поднимавшиеся еще в первые десятилетия экологического движения, такие как загрязнение воздуха и воды, токсичные отходы и необдуманное применение пестицидов, выросли из антропоцентрической этики. Загрязненная пестицидами пища и грязная питьевая вода представляют собой прямую угрозу благополучию человека.

Один из подразделов антропоцентрической этики рассматривает будущее поколения людей как объекты нашей моральной ответственности. Данный подход является антропоцентрическим в той части, что с нравственной точки зрения рассматриваются только люди, и несколько выходит за его рамки в той части, что наша ответственность распространяется и на тех людей, которые еще не родились. Такой подход подразумевает не только этические вопросы, но и вопросы эпистемологии и метафизики. Разумно спрашивать меня о моей ответственности перед другими людьми, но разумно ли говорить, что я несу ответственность перед людьми, которых не существует, а, может, и не будет существовать? Например, должны ли люди настоящего нести ответственность перед людьми, которые будут жить через 100 000 лет, и менять в связи с этим способы хранения ядерных отходов? Различные проблемы, поднимавшиеся на заре экологического движения, рассматривались именно с такой точки зрения.

Другие философы утверждают, что в дополнение к нашей ответственности перед другими людьми, у нас есть прямые обязательства перед объектами живой природы. Неантропоцентрическая этика наделяет нравственной нагрузкой такие объекты природы как животные и растения. Споры, влущие вокруг этического отношения к животным и угрозы вымирания многих видов животных и растений, - наиболее часто возникают именно в неантропоцентрической этике. При дальнейшем развитии экологической этики стали рассматривать не отдельных представителей животных и растений, а целые «блоки» природных объектов, таких как виды, популяции или экосистемы. Комплексная (холистическая) этика говорит о том, что мы несем моральную ответственность перед совокупными природными объектами, а не перед отдельно взятыми индивидуумами. Например, холистическая экологическая этика может разрешить охоту на отдельных животных, если только популяция этого вида животных не грозит вымирание. Холизм, на который большое влияние оказала наука экология, рассматривает более серьезные философские проблемы, чем индивидуалистическая этика. Например, стандартные нравственные критерии - оно живое, чувствует боль, все понимает и т.д. - скорее применимы к индивидуумам, нежели к совокупностям.

Следует отметить, что многие философы думают, что этика определяет общее практическое направление также как наука и техника. Другие думают, что этика снабжает нас общим принципом или теорией, которая может быть применена в отдельных случаях, и из которой мы можем делать особые практические выводы. Так, например, этический принцип может заставить нас действовать в целях максимизации всеобщего счастья. Поэтому этическое поведение подразумевает определение, какое из двух действий, А или Б, приведет к максимизации всеобщего счастья. Как только мы это определили, мы можем совершать этически ответственные и непредвзятые выводы, как и наука. Но этические вопросы любого рода, включая и экологические, очень редко предполагают такое недвусмысленное решение. Мир не так прост, как нам бы хотелось. Данное исследование не предложит вам список правильных с точки зрения этики ответов. Самое большее, оно поможет вам более

систематично думать о целом ряде этических и философских проблем, относящихся к окружающей нас среде.

Глава 2

Природа, демократия и этическая теория

2.1. Вступление

Для того чтобы изучать суть экологических споров с точки зрения этики, необходимо оперировать фундаментальными категориями и терминами, присущими этике и философии: права, справедливость, объективность, польза. Люди, выступающие против экологических норм, часто оперируют такими понятиями как права собственности, справедливость и социальные блага. Экологи же апеллируют к правам природы, ценностям дикой природы, опасности загрязнения окружающей среды. Все эти споры требуют тщательного анализа именно с точки зрения философской этики. На протяжении всей истории человечества философы пытались разработать системные и комплексные подходы к этической жизни людей.

Слово «этика» происходит от греческого слова *ethos*, означющего «обычай». В этом смысле, этика состоит из общих убеждений, подходов или стандартов, направляющих *обычное (типичное) поведение*. А это означает, что любое общество будет иметь свою собственную этику в том смысле, что она будет основываться на убеждениях (верованиях), подходах и стандартах, типичных для этого общества. Осознано или нет, но поведение каждого индивидуума также зависит от определенных убеждений, подходов или стандартов. Но уже с ранних периодов греческой философии философская этика не принимала постулат о том, что все то правильно, что обычно. Справедливо сказать, что западная философия родилась как раз таки из критических трудов Сократа, ставившего под сомнение нормы, обычные для греческого общества.

Такое критическое исследование включает в себя два уровня абстрагирования от обыденных, привычных для нас норм поведения. У нас у всех есть свои убеждения, отношения и моральные ценности, распространяющиеся на наш обыденный, привычный жизненный опыт. Философия призывает нас абстрагироваться от нашего опыта и посмотреть на него критически, как бы со стороны: Почему мы верим в то, во что верим? Не стоит ли нам изменить отношение к определенным вещам? Оправданы ли наши моральные ценности? На первом уровне абстрагирования наше привычное поведение сравнивается с тем, что *следует делать, и что должно быть сделано*. Разница между привычным опытом и первым уровнем философского абстрагирования заключается в различии между тем, что делается (или ценится, или утверждается), и тем, что должно делаться (цениться, утверждаться).

Первой проблемой любого этического исследования является признание вопроса этической проблемой. Например, в классическом эссе, посвященном экологии, «Этика Земли» Олдо Леопольд пересказывает историю возвращения Одиссея с Троянской войны². Одиссей повесил дюжину женщин-рабов, потому что он заподозрил их в плохом поведении. А так как